

ЧТО СПОСОБНО ОБЪЕДИНИТЬ НАС?*

М. В. Ильин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101100, Москва, Кривоколенный пер., 3

Политическая наука и политологическое сообщество остаются разобщенными, несмотря на успехи последних лет. В статье предлагаются пути преодоления этой ситуации и достижения большей согласованности. С точки зрения автора, сложившееся положение могут изменить более четкое различение политики и ее среды, а также последовательное использование перспективных методов. Специфические методы, смоделированные под предмет изучения, сравнительно развиты в политической науке. В дополнение к ним рассматривается использование в политических исследованиях трансдисциплинарных методов, таких как: метретиические (количественные) методы работы с данными и методы вычислений, возникающие на основе базовой биологической способности различать ощущения и находить меру соответствующей информации; морфетические методы конфигуративного анализа и сравнений, вытекающие из когнитивной способности различения образов, вычленения типов явлений и их сопоставления; семиотические методы анализа и интерпретации, выросшие из способности людей обозначать смыслы. Удачное соединение предметной ориентации с использованием развитых методов анализа и интерпретации высвечивается в социальной семиотике. Она интегрирует различные аспекты жизни в виде модусов человеческого взаимодействия за счет мультимодального подхода. Она также использует семиотику для сопряжения трансдисциплинарных и специфических методов. Авторские выводы исходят из предположения о том, что многие поколения людей выделяют политику как особую сторону своей жизни, придавая ей определенный, но зачастую разный смысл. Синтезируя эти смыслы в ходе работы в Центре перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, автор (вместе с коллегами) предлагает новые эпистемологические процедуры и научные методы для реализации задачи нахождения консенсуса вокруг основных тем и категорий политики. Основным выводом автора заключается в том, что необходимо объединение исследователей, разделяющих базовые принципы, отраженные в предлагаемой статье, которые основаны на общем наборе методологий, техник и инструментальных приемов с технической стороны, а также выстраивание и перестраивание сознания и парадигмы мышления — со стороны когнитивной.

Ключевые слова: политическая наука, предмет и метод, трансдисциплинарные методы, метретика, морфетика, семиотика, социальная семиотика, мультимодальный подход.

Разобщенность и высокая фрагментированность профессионального сообщества остается серьезной проблемой, несмотря на немалые усилия коллег по его развитию и консолидации. На первый взгляд, все идет благополучно.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01536). Тема проекта «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: Опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований».

В нашей стране созданы факультеты, отделения и кафедры политической науки, разнотипные профессиональные объединения. Увеличивается плановый и сверхплановый прием на политологические специальности, но уровень обучения зачастую невысок. Усваиваются достижения мировой политической науки, но выборочно и несистематично, от случая к случаю. Более того — в последние годы все чаще встречаются требования создать некую особенную российскую политологию, чуть ли ни в пику мировой.

Стремление подняться до уровня лучших научных образцов наряду с попытками развернуть развитие только растягивает и без того рыхлую ткань нашей науки и нашего сообщества. На плоском ландшафте отечественной политологии (Мельвиль, 2018) между возвышениями точек роста и глубокими академическими депрессиями возникают напряжения, а то и разрывы. Конечно, можно сказать, что мы большая страна и у нас немало как достижений, так и просчетов, однако дело не только в размерах страны и политологического сообщества, ведь даже по количеству профессионалов в этой области Россия уступает Германии, Великобритании, Канаде, Индии, не говоря уже о США.

Сообщество российских политологов фрагментировано по самым разным основаниям. Как-то французская коллега Каролин Дюфи из Бордо спросила меня: «Вы в ВШЭ считаете себя политологами или политистами?» (Ильин, 2013). Я тогда еще не знал, что оба наименования — *politologue* и *politiste* — существуют во французском, а потому счел это шуткой и с улыбкой попросил объяснить, в чем разница. Ну как же, тоже улыбнулась в ответ Каролин, политологи — как астрологи, а политисты — как экономисты.

В этой шутке лишь доля шутки. И на деле наша профессия распадается на занятия и предприятия самого разного рода — от доморощенных претензий на легкое и чудесное раскрытие тайн политики до технически сложных и изощренных проектов получения нетривиального знания о политике. Мне возразят, что это нормально, что еще тридцать лет назад Габриэль Алмонд использовал образ рассады по разным столикам для характеристики нашей профессии (Алмонд, 2000; Almond, 1988; 1990). Да, но столики эти отличаются не только разными методологическими языками, но и сочетанием самых разных обстоятельств, вплоть до конъюнктурных и сугубо личных пристрастий.

В сознании многих коллег глубоко укоренилась уверенность, будто политология по природе своей междисциплинарна, будто она лишь конгломерат заимствований из «настоящих наук» типа социологии, психологии и т. п., а также из отраслей знания типа философии. Увы, это не беспочвенное заблуждение. Действительно, ускоренная организация академической политологии происходила путем волюнтаристского привлечения специалистов из «соседних» факультетов и департаментов. Делалось это зачастую произвольно и поверхностно, при игнорировании собственных традиций. У нас ситуация усугубилась тем, что официальное решение о признании политологии и повсеместном ее внедрении было принято только на исходе 1980-х гг. Такое внедрение осуществлялось одномоментно и повсеместно взрывным, революционным образом. Игнорировался ценнейший опыт консолидации политической науки Советской ассоциацией политической науки, не прини-

мались во внимание достижения досоветских времен. Да и мировые наспех сконструированные схемы воспринимались легкомысленно и даже карикатурно. В этой ситуации утрата собственной идентичности, научного предназначения и даже своего собственного предмета стала неизбежным результатом политологического бума начала 1990-х гг. и его афтершоков вплоть до наших времен.

Рассадка по столикам, отдельным лавочкам и приставным местам определяется скорее решениями начальства и попытками получше устроиться, чем устоявшимися методологическими размежеваниями, исследовательскими традициями и укоренившимися языками (дискурсами), как это выглядит в нарисованной Алмондом картине. Конечно, на конъюнктурной рассадке не могут не сказаться и границы между предметными делянками и тематическими нарезками, кажущимися коллегам выигрышными. Но к ним большинство относится без уважения, лишь как к неизбежным обстоятельствам.

Свои «делянки» многие коллеги склонны опрометчиво приватизировать и объявлять себя уникальными специалистами по их освоению. Платой за это становится страшное самоограничение и превращение своих исследований в уникальный образчик псевдонауки малой части большого мира — скажем, науки электоральных манипуляций гендерными предпочтениями в отдельно взятой области в определенный период. В результате сообщество в целом дробится на крохотные парцеллы, которые не имеют ни предметной, ни методологической связи с большой политической наукой. Тут уж впору говорить не о рассаживании за отдельными столиками, а о том, что едва ли не каждый занят поисками собственного «практически полезного» спасательного круга. Это чудесное средство, увы, сможет пригодиться лишь в карьерной суете сегодняшнего дня, но не имеет ни малейшего научного значения.

Что можно сделать в этой ситуации? Можно ли возродить или открыть заново предмет нашей науки и логичный набор исследовательских стратегий и методов? Да, это не только возможно, но и необходимо. Тому, как это сделать, и посвящена данная статья. Трезво взглянем на ситуацию. Существуют две коренные проблемы. Одна связана с предметной областью, вторая — с ее методологическим обеспечением. Разумеется, помимо них есть привносимые в науку расколы и конфликты. Порой нелегко преодолеть эти конфликты, но, по крайней мере, можно специально учесть и смягчить их. Одни порождены страстями и эгоистическими устремлениями, другие — попытками внешних инстанций, от властных до активистских, использовать науку и ученых в своих интересах (пресловутая «социальная актуальность», гибельная для науки). Существуют также разделения на основе культурных или политических, а фактически идеологических пристрастий или, как порой их торжественно именуют, «ценностей». При достаточной самостоятельности и самоуважении ученых все расколы относительно легко преодолимы, тем более если мы сообщая будем отстаивать самостоятельность и самоценность нашей науки, опираясь на традиции и техники кантовской критики, а также веберовского *Wertfreiheit* (очищения от ценностей) (Weber, 1904) или, точнее, *Werturteilsfreiheit* (очищения от ценностных оценок) (Hillmann, 1994).

Гораздо сложнее проблемы, связанные с профессиональной работой. Даже если бы она шла без помех, без прессинга обстоятельств и давления различных инстанций, требующих отчетов, оценок и т. п., перед нами остается грандиозный набор очень сложных проблем. Нет обоснованного согласия ни в том, что же мы изучаем, ни в том, как этот общий предмет следует изучать сейчас, учитывая опыт достижений и упущений.

Что фактически мы изучаем? Многие поколения выделяют политику как особую сторону своей жизни, придавая ей смысл, определяя ее значение, наконец, при всем смешении языков, находя для нее общие названия, включая и русское слово «политика». Можно считать этот факт подтверждением того, что соответствующая сторона жизни или сфера человеческой деятельности действительно существует и может стать предметом изучения. Объяснений и определений предложено немало, они зачастую не согласуются друг с другом. Один назовет политику грязным делом, другой — искусством царственного плетения нравов, третий — борьбой за власть, четвертый — сферой принятия и осуществления связывающих решений, пятый — искусством возможного, шестой — всякой деятельностью по самостоятельному руководству. Найдутся и такие, кто предложит и вовсе мудреную трактовку политики как аналитической проекции человеческого существования в пространство функционального императива целедостижения. И каждый будет по-своему прав. Ситуация напоминает историю о слепцах, ощупывавших слона и предлагавших свои версии, что это: веревка, лист, ствол дерева, стена и т. п. История о слепцах на этом как будто заканчивается. Попробуем ее продолжить.

«Видеть» — так назвал введение в свой шедевр «Феномен человека» Пьер Тейяр де Шарден (Teilhard de Chardin, 1955). Но чтобы увидеть политику, у нас должно открыться особое, настроенное на политику зрение. Мы должны обрести способность пробиться к тому, что скрывается за разными именами и представлениями — от грязного дела и искусства царственного плетения нравов до борьбы за власть и искусства возможного. Полагаю, что способность откроется через внимание к функциональности того, что мы именуем политикой, а сама она окажется связанной с функциями целедостижения, согласования наших действий или «самостоятельного руководства». Порой осуществление данных функций (назовем их властными) навязывается нам помимо воли, обычно сверху вниз, а порой нам удается согласовать свои действия с другими по всем направлениям в гигантской сети взаимных зависимостей и интересов. Эта сеть и составляет структуру того, что можно назвать политикой.

Подобные сети пронизывают всю нашу жизнь. На них строятся самые области жизненных практик — от государственных дел до пресловутой «политики умной жены по отношению к мужу» (Weber, 1919, S. 3). Это означает, что политика пронизывает буквально все — от сельской управы и банков до споров в клубе или в парламенте. Пока мы «ощупываем» парламентские дебаты или пропагандистскую кампанию в новых медиа, мы не видим собственно политики. Стоит включить функциональный настрой на связанные с целедостижением усилия, как властная сеть взаимных зависимостей и согласований открывается

перед нами. Мы видим уже собственно политику за всеми привходящими обстоятельствами и помехами. Мы способны понимать и изучать ее.

Как успешнее изучать политическую сторону жизни? Получается, что интерес к изучению политики может реализовываться разными способами. Некоторые связаны с характером того, что мы фактически изучаем. Другие строятся на использовании специальных методологических, общих эпистемологических и — шире — когнитивных способностей.

Что касается предметных ограничений и возможностей, то они располагаются между двумя полюсами. На одном полюсе исследователи за счет «ощупывания» уясняют лишь отдельные моменты политики, зачастую добавляя к политике (сети взаимных зависимостей и согласований ради целедостижения) многое из сопутствующей фактуры — от демографической и природной до хозяйственной и «ценностной»; эти моменты лишь косвенно касаются целедостижения. На другом полюсе исследователи отбрасывают все условно «неполитическое» и сосредоточиваются на сетях целедостижения.

Какой же из двух подходов успешнее? Если исследовательский вопрос касается собственно политики в строгом смысле, то, вне сомнения, успешнее второй — хотя бы за счет уменьшения избыточных помех, снижения трудоемкости, прозрачности и четкости самой фактуры. Если исследовательский вопрос касается не собственно политики, а ее роли, места, значения для чего-то другого, например для преобразования природы или улучшения демографической ситуации, повышения производительности труда или поощрения человеческих пристрастий, то успешнее первый подход. Правда, наше знание будет касаться уже не политики, а того, что вокруг нее. К тому же познавательная мотивация будет во все большей мере не научной, а прагматической, связанной с запросами политиков и граждан, с пресловутой «социальной актуальностью». Да и точность познания будет страдать из-за обилия шума и грязной фактуры.

Что касается методологических возможностей и ограничений, то здесь также имеется большое количество стратегий исследования. Они находятся в многомерном пространстве, однако для упрощения и тут можно выделить два полюса. К одному тяготеют наиболее фундаментальные и общие методы, в пределе трансдисциплинарные, т. е. настолько универсальные, что их так или иначе можно использовать в любых дисциплинах и предметных областях. На другом полюсе — по контрасту — частные, партикулярные и порой довольно конъюнктурные методы — субдисциплинарные или куда более узкие, которые могут стать одиночными и даже одноразовыми.

Отмеченные универсальностью методы покоятся на фундаментальных когнитивных способностях человеческого рода. В Центре перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН (фактически это научная сеть, выходящая за пределы института и даже нашей страны) мы с коллегами уже почти целое десятилетие заняты очищением наиболее совершенных и даже изысканных методов от всего лишнего, а также насыщением самых простых и даже элементарных когнитивных способностей все новыми ухищрениями, дабы превратить научные методы в эпистемологические процедуры. Используя двойной шаг или встречный ход, а также ряд других ухищрений, мы

выделили эволюционную связь между тремя базовыми когнитивными способностями и тремя трансдисциплинарными методологическими комплексами или органонами (Ильин, Авдонин, Фомин, 2018). Если оставить в стороне детали, а дать только голые выводы, то получились три связи.

Первая из человеческих способностей, которую мы делим с другими живыми существами, вытекает из способности различать силу и интенсивность чувственной информации. Далее она развивается в эпистемологические приемы ранжирования, умножения или разделения чувственных данных, их количественной оценки и счета. Наконец, их эволюция ведет к созданию научных методов вычислений, а также к созданию и обработке статистических данных. На базе различных отраслей математики уже начинает формироваться трансдисциплинарный органон, который мы называем метретикой.

Другая общая для людей и достаточно развитых животных способность заключается в распознании образов (*pattern recognition*), т.е. фактически выделении неких объектов (систем) из их окружения (среды). Далее на этой основе развиваются эпистемологические способы познания форм, их анализа и сравнения. В науке последних двух сотен лет стали возникать и бурно совершенствоваться методы морфологического познания (Ильин, 2016). В конечном счете дело идет к постепенной консолидации еще одного органона, который мы именуем морфетикой.

Также базовой, но уже чисто человеческой способностью является наделение и своих действий, и мира вокруг смыслами. На ее основе складываются эпистемологические практики и принципы интерпретации и понимания. В науке формируются логические, когнитивные и лингвистические методы. Их взаимное обогащение все быстрее и интенсивнее ведет к консолидации семиотики как некоего общего органона.

Как разумнее соединить предметные и методологические возможности? Это задача действительно непростая. На первый взгляд, совершенно естественно брать в качестве основания, точки опоры для наших исследований что-то одно, а другое добавлять по обстоятельствам. Большинство коллег начинает с предмета, с маленькой области жизни — выборов в родном регионе или соперничества политиков из-за денег за газовую ренту. Это худшее решение, так как легко утратить предмет и не найти метод, отвлекшись на яркие и актуальные частные обстоятельства, подчинившись различным предрассудкам.

Разумнее и результативнее иной подход. Конечно, надежнее всего — положиться на изучение собственно политических сетей взаимных зависимостей и согласований ради целедостижения. Однако не всегда такой пуризм оправдан. Нередко нужно узнать нечто, касающееся взаимодействия данных сетей с чем-то иным. Тогда разумно прибегнуть к гибкому и дозированному варьированию, то дополняя предмет новой фактурой и обстоятельствами, то исключая их ради точности и надежности научного знания.

Что же касается научных методов, то тут также возникает нужда в их сочетании или смешении. Любое основательное исследование полагается на смешанные методы, которые берутся из трех основных, универсальных групп

методов и сочетаются последовательно или параллельно. Зачастую разумно дополнить их теми ли иными частными методами.

Разные методы и предметные области обладают разной степенью взаимной предрасположенности, а значит, и сочетаемости. Действительно, политическое изучение сетей согласования и целедостижения может потребовать исчислений и математического моделирования, а при привлечении дополнительной фактуры — статистики и приемов статистического анализа. Однако полученное знание будет частичным, неполным и односторонним. Морфологический и сравнительный анализ откроет новые возможности, высветит новые стороны самого предмета изучения. Наконец, семиотическое изучение смысла политических явлений и процессов даст еще одно расширение.

Наиболее полное и адекватное соединение предметных и методологических возможностей политических исследований сопряжено с пространством соединения специфической для политики сетевой предметности и семиотических методологий. Это пространство можно считать своего рода фокусом пересечения предметных и методологических возможностей познания.

Социальная семиотика. Создавать подобный фокус не нужно. Это уже сделано, причем даже дважды. Четыре с лишним десятилетия назад выдающийся, если ни сказать великий, лингвист Майкл Халлидей опубликовал книгу «Язык как социальная семиотика» (*Language as social semiotic*) (Halliday, 1978) с подзаголовком «Социальная интерпретация языка и значения» (*The social interpretation of language and meaning*). Десятью годами позже вышла книга учеников Халлидея Боба Ходжа и Гюнтера Кресса «Социальная семиотика» (*Social Semiotics*) (Hodge, Kress, 1988). В первом случае слово семиотика стоит в единственном числе (*semiotic*), а во втором — во множественном (*semiotics*).

За подобным неслучайным различием — два принципиально важных открытия, два шага в развитии науки.

Халлидей фокусирует внимание на двойном предметно-методологическом ядре языка. Название его книги можно перевести примерно так: язык как социальная сторона жизни, обладающая социальной сутью (в обратном переводе на английский — *Language as social and semiotic phenomenon*). Халлидей систематически рассматривает язык как социальный факт (*social fact*), но отнюдь не только как коммуникативную систему. Для него язык не сводится к словарю и грамматическим правилам, а является прежде всего социальной практикой. Ее он описывает через функции языка, показывая, что едва ли ни все эти функции социальные, а основные из них носят политический характер. На этом он останавливается, оставляя в тени институциональные аспекты в строгом смысле. Халлидей видит и изучает социальные функции — он создал так называемую системную функциональную лингвистику (*systemic functional linguistics*) как социальную дисциплину и системную функциональную грамматику (*systemic functional grammar*) как преимущественно лингвистическую. Собственно структуры, а с ними социальные и политические институты (в отличие от практик) становятся ему практически не видны, уходят на периферию исследований.

Халлидей использует термин «социальная семиотика» для обозначения феномена человеческого общения, а значит, предмета системно-функциональных

исследований. В качестве названия особой междисциплинарной области исследований его ввели в оборот Боб Ходж и Гюнтер Кресс, также сделав важный шаг в развитии науки.

Ходж и Кресс переносят акцент на трансфер знаний между дисциплинами и на конвергенцию соответствующих методологических традиций. В поле их зрения находится пресечение таких областей, как лингвистика и политическая наука, психология и социология, системные и когнитивные исследования. Это не просто произвольное соединение отдельных научных дисциплин и направлений, а ядро пересечения комплекса предметов (осмысленных и целенаправленных взаимодействий людей) с адекватным ему методологическим ракурсом (семиотикой как учением о семиозисе, придании человеческим действиям и явлениям смысла и значимости).

Достижение учеников и продолжателей Халлидея состоит в том, что семиотическим они считают все человеческое, а отнюдь не только язык или искусственные знаковые системы. Другое их достижение заключается в том, что разные стороны человеческого, социального феномена трактуются как модусы. Так возникает новое научное направление — *мультимодальность (multimodality)*. Однако на практике модусы фактически редуцируются до коммуникативных практик, привычных для исследователей, рекрутированных в основном из лингвистики, культурной антропологии, педагогики и т. п. Непривычные же коммуникативные практики типа властных, хозяйственных и прочих «прямых», как бы и не коммуникативных взаимодействий фактически выносятся за скобки, хотя тут открывается огромное исследовательское поле для политологов, социологов, экономистов и прочих обществоведов.

Так что же способно объединить нас? Ответ, казалось бы, прост: общий предметный срез, проходящий через все наши частные предметики, и общий набор методологий, методологий, техник, инструментальных приемов — от грандиозных трансдисциплинарных до малейших субдисциплинарных ухищрений.

Будет ли решен вопрос в этом случае? Да, но при условии, что коллеги пожелают выстраивать новую систему и перестраиваться под нее, а потом последовательно работать в обновленной интеллектуальной и когнитивной среде, не поддаваясь искушениям простых и быстрых достижений здесь и сейчас в угоду планам, начальству, грантодателям... Это кажется невыполнимым требованием. Обращаюсь только к реалистам: будем требовать от себя невозможного, уверенно и спокойно работать. Объединяйтесь, коллеги-реалисты!

Литература

Алмонд Г. Отдельные столики: школы и секты в политической науке // Политическая наука на рубеже веков: проблемно-тематический сборник. М., 2000. С. 63–77.

Ильин М. В. «Мэйнстрим в науке — это всегда вчерашний день!». Интервью М. В. Ильина порталу Terra.America.ru. 26.04.2013. URL: <https://www.rapn.ru/in.php?part=6&gr=1623&d=4287&n=35&p=0&to=> (дата обращения: 07.12.2018).

Ильин М. В., Авдонин В. С., Фомин И. В. Методологический вызов. Критическая рефлексия. Как не оступиться на поворотах от образной наглядности к научной валидности и обратно // МЕТОД. 2018. № 8. С. 5–11.

Ильин М. В. Морфологический анализ от реконструкции прафеноменов и праформ до морфогенетики эволюционной морфологии // МЕТОД. 2016. № 6. С. 138–151.

Мельвиль А. Ю. Когда и как может закончиться «линнеевский этап» в нашем профессиональном развитии? URL: <https://www.rapn.ru/in.php?d=4170&gr=1623> (дата обращения: 07.12.2018).

Almond G. A. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science // PS: Political Science and Politics. 1988. Vol. 21, no. 4. P. 828–842.

Almond G. A. A discipline divided: Schools and sects in political science. London; New Delhi: Sage, 1990. 348 p.

Hillmann K. -H. Werturteilsfreiheit // Wörterbuch der Soziologie. Stuttgart: Kröner-Verlag, 1994. S. 932.

Halliday M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.

Hodge R., Kress G. Social semiotics. Cambridge: Polity press, 1988. 285 p.

Teilhard de Chardin P. Le Phénomène Humain. Paris: Éditions du Seuil, 1955. 318 p.

Weber M. Die "Objektivität" sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1904. Bd. 19. S. 22–87.

Weber M. Politik als Beruf. München; Leipzig: Duncker & Humblot, 1919. 96 S.

Ильин Михаил Васильевич — д-р полит. наук, проф.; mikhaililkyin48@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 7 декабря 2018 г.;

рекомендована к печати: 14 декабря 2018 г.

Для цитирования: Ильин М. В. Что способно объединить нас? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 1. С. 7–16. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.101>

WHAT CAN POSSIBLY INTEGRATE US?*

Mikhail V. Ilyin

National Research University Higher School of Economics,
3, Krivokolenny per., Moscow, 101100, Russia; mikhaililkyin48@gmail.com

Both the profession of political science and our professional community remain highly fragmented despite all the recent advances. The article reviews and suggests ways to overcome this situation and achieve greater cohesion. A clearer distinction between politics and its environment as well as a more consistent use of advanced research methods may help. Specific methods modelled for the subject of study are relatively developed in political science. In addition to them, the paper considers the usage of transdisciplinary methods in political studies. They are the metric (quantitative) methods, which developed from the basic biological ability to rate sensations and to measure respective information into methods of data generation and calculus, the morphetic (configurational) methods, which developed from the basic cognitive ability to recognize patterns and to single out types of phenomena into morphological and comparative methods, and the semiotic methods, which developed from the basic human ability to assign meanings into elaborate methods of analysis and interpretation. An appropriate interface for the subject matter and the methodological techniques appears to be found in social semiotics. It integrates various aspects of life as modes of human interaction through providing a multimodal approach. It also uses semiotics for combining transdisciplinary and specific methods. The author's conclusions are based on the assumption that many generations of people distinguish politics as a particular aspect of their lives, while implying definite, yet often different meanings. Synthesizing these different

* The study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01536). The theme of the project "Knowledge Transfer and Convergence of Methodological Traditions: Experience of Interdisciplinary Integration of Political, Biological and Linguistic".

meanings, the author and colleagues at the Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Research, the Institute of Scientific Information in Social Science, RAS, propose new epistemological procedures and scientific methods for the implementation of the task of finding a consensus around the main themes and categories of politics. The main conclusion should be recognized to be the call to unite researchers who share the fundamental principles discussed in the current paper, which are technically based on a common set of methodologies, techniques, and instrumental approaches, while cognitively being based on the need of organizing and reorganizing the consciousness and the paradigm of the thinking.

Keywords: political science, subject matter and method, transdisciplinary methods, metretics, morphetics, semiotics, social semiotics, multimodal approach.

References

Almond G. A. *A discipline divided: Schools and sects in political science*. London, New Delhi, Sage, 1990. 348 p.

Almond G. A. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science. *PS: Political Science and Politics*, 1988, vol. 21, no. 4, pp. 828–842.

Almond G. Otdel'nye stoliki: shkoly i sekty v politicheskoi nauke (perevod) [Separate tables: schools and sects in political science]. *Politicheskaya nauka na rubezhe vekov: problemno-tematicheskii sbornik*. Moscow, 2000, pp. 63–77. (In Russian)

Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. London, Edward Arnold, 1978. 256 p.

Hillmann K.-H. Werturteilsfreiheit. *Wörterbuch der Soziologie*. Stuttgart, Kröner-Verlag, 1994. S. 932.

Hodge R., Kress G. *Social semiotics*. Cambridge, Polity press, 1988. 285 p.

Il'in M. V. "Meinstream v nauke — eto vsegda vcherashnii den'!". Interv'iu M. V. Il'ina portalu Terra.America.ru. 26.04.2013 ["Mainstream in science is always yesterday!"]. M. V. Il'in's interview to portal Terra.America.ru. 26.04.2013. Available at: <https://www.rapn.ru/in.php?part=6&gr=1623&d=4287&n=35&p=0&to=> (accessed: 07.12.2018). (In Russian)

Il'in M. V. Morfologicheskii analiz ot rekonstruktsii prafenomenov i praform do morfogenetiki evoliutsionnoi morfologii [Morphological analysis from the reconstruction of prafenomenes and praforms to the morphogenetics of evolutionary morphology]. *METOD*, 2016, no. 6, pp. 138–151. (In Russian)

Il'in M. V., Avdonin V. S., Fomin I. V. Metodologicheskii vyzov. Kriticheskaya refleksiya. Kak ne ostupit'sia na povorotakh ot obraznoi nagliadnosti k nauchnoi validnosti i obratno [Methodological challenge. Critical reflection. How not to stumble on turns from figurative clarity to scientific validity and back]. *METOD*, 2018, no. 8, pp. 5–11. (In Russian)

Melville A. Yu. *Kogda i kak mozhet zakonchit'sia "linneevskii etap" v nashem professional'nom razvitii?* [When and how can the Linnaean stage in our professional development end?] Available at: <https://www.rapn.ru/in.php?d=4170&gr=1623> (accessed: 07.12.2018). (In Russian)

Teilhard de Chardin P. *Le Phénomène Humain*. Paris, Éditions du Seuil, 1955. 318 p.

Weber M. Die "Objektivität" sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1904, Bd. 19, S. 22–87.

Weber M. *Politik als Beruf*. München und Leipzig, Duncker & Humblot, 1919. 96 S.

Received: December 7, 2018

Accepted: December 14, 2018

For citation: Ilyin M. V. What Can Possibly Integrate Us? *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 7–16. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.101> (In Russian)